

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

УДК 821.161.1.09+82.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)+83

DOI: 10.18500/2311-0740-2018-2-18-88-95

И. А. Тарасова
Саратов, РоссияIrina A. Tarasova
Saratov, Russia

ЖАНР В КОГНИТИВНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Статья посвящена поиску ответа на вопрос: что означает когнитивный подход к жанру? Автор полагает, что цель когнитивного изучения жанра состоит в построении его ментальной модели, отражающей репрезентацию жанра в сознании писателя и читателя.

Для решения этой задачи необходимо соотнести жанр с различными форматами знания – не только концептуально-простыми (концепт), но и концептуально-сложными (фрейм, сценарий, матрица и др.).

Обзор работ зарубежных и отечественных исследователей позволяет определить доминанты когнитивного подхода к жанру:

- рассмотрение жанровой формы как текучей, нестабильной структуры;
- выявление жанровых прототипов;
- внимание к жанровой динамике, гибридным образованиям.

Перспективным направлением когнитивных исследований автор считает установление корреляций между традиционными понятиями жанрологии (память жанра, жанровый архетип, жанровый канон) и терминами когнитивной поэтики.

Ключевые слова: жанр, когнитивная поэтика, ментальная репрезентация, концепт, когнитивная структура, модель жанра.

Сведения об авторе: Тарасова Ирина Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры начального языкового и литературного образования.

Место работы: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского.

E-mail: tarasovaia@mail.ru

ORCID 0000-0003-3188-215X

GENRE IN THE COGNITIVE PERSPECTIVE

The article is devoted to the search for the answer to the question what the cognitive approach to the genre means. The author believes that the goal of the cognitive studies of the genre is to build its mental model, reflecting its representation in the minds of the reader and writer. To solve this problem, it is necessary to correlate genres with different formats of knowledge, not only conceptually simple (such as concept), but also conceptually-complex ones (such as frame, script, matrix, etc.). The review of the works of foreign and Russian researchers makes it possible to determine the dominants of the cognitive approach to the genre. They are:

- consideration of the genre form as a fluid, unstable structure;
- identification of the genre prototypes;
- attention to genre dynamics and hybrid formations.

The author assumes that a perspective direction of cognitive studies is to establish the correlations between the traditional concepts of genre (genre memory, genre archetype, and genre canon) and the terms of cognitive poetics.

Key words: genre, cognitive poetics, mental representation, concept, cognitive structure, genre model.

About the author: Tarasova Irina Anatolievna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Primary Linguistic and Literary Education.

Place of employment: Saratov State University.

E-mail: tarasovaia@mail.ru

ORCID 0000-0003-3188-215X

Введение

Когнитивный подход к жанру базируется, на наш взгляд, на 2 основных постулатах: 1) жанры – не онтологические структуры, существующие независимо от их восприятия: они каким-то образом воплощены (*embodied* – если использовать известное выражение Лакоффа и Джонсона [1]) в человеческой психике; отсю-

да основная цель когнитивной жанрологии – рассмотреть жанр как форму ментальной репрезентации; 2) жанровые классы не являются образованиями с четкими границами, они текучи и построены по принципу «фамильного сходства»: принадлежность отдельного произведения тому или иному жанру определяется его сходством с наилучшим жанровым образцом – «прототипом».

Попытаемся подтвердить это предположение, опираясь на современные жанроведческие работы зарубежных и отечественных исследователей.

Предмет когнитивной генристики

Суть когнитивной генристики В. В. Дементьев раскрывает в следующих положениях:

- 1) «это одно из направлений когнитивной лингвистики, соответственно изучаются когнитивные структуры, т. е. мыслительные проекции, образы явлений действительности (в данном случае – жанрово-коммуникативных явлений), концепты (в данном случае – коммуникативные) как участки общей языковой картины мира;
- 2) к базовым единицам когнитивной генристики относятся коммуникативные ценности разных уровней;
- 3) при изучении речевых жанров принципиальным является противопоставление жанров, поддерживаемых данной национальной культурой и не поддерживаемых ею» [2: 62].

Если первое положение намечает программ-максимум когнитивного исследования жанра (изучать ментальные проекции жанрово-коммуникативных явлений), то два других, на наш взгляд, несколько сужают перспективу, ограничивая ее коммуникативно-концептологическим подходом. В результате ядром когнитивной генристики оказывается концептологическая типология РЖ [3].

Такой подход имеет своих сторонников. Так, Г. Г. Слышкин указывает на два возможных направления концептологических исследований жанра: 1) моделирование речевого жанра как концептосферы, т. е. выявление типичных концептов, реализуемых в каждом жанре; 2) моделирование речевого жанра как метаконцепта, включая анализ его лексических обозначений, сочетаемость имени жанра с различными эпитетами и т. д. [4: 49]. Однако концептологическая перспектива, о которой пишет Г. Г. Слышкин, и когнитивная перспектива – вещи все-таки разные: когнитивное не сводится к концептуальному, а модель жанра – к модели концепта.

Различия между концептологическим (концептуальным) и когнитивным типами анализа сформулированы нами в работе [5]. На современном этапе развития когнитивной лингвистики это различие может быть соотносено с выделением различных форматов знания: концептуально-простыми и концептуально-сложными когнитивными структурами [6]. К первым относятся концепты, ко вторым – многокомпонентные структуры (пропозиция, фрейм, сценарий, матрица и др.) И в том и в

другом случае речь идет о ментальных репрезентациях, т. е. единицах представления реального или вымышленного мира в сознании человека, замещающих в процессе когнитивной обработки реальные или идеальные объекты. Рассмотреть жанр как ментальную репрезентацию – значит построить его когнитивную модель.

Итак, при когнитивном подходе «жанры концептуализируются с точки зрения их соотношения с особыми видами ментальных схем – структурно и функционально устойчивых комплексов, хранящихся в долговременной памяти» [7: 122]. Эта общая идея когнитивного подхода преломляется в различных терминологических обозначениях ментальных схем: фрейм (М. Синдинг, В. Палтридж), паттерн (Э. Харт, Т. Бовсунивска), ментальное пространство (Дж. Фроу) и др.

Жанр как ментальная репрезентация

Рассмотрим различные типы ментальных репрезентаций жанра.

Ядерное положение в когнитивных исследованиях жанра, как отечественных, так и зарубежных, занимают фрейм-модели.

Одним из первых теорию фреймов к исследованию жанров применил Т. ван Дейк, прибегающий к фрейм-модели и на уровне тематики типизированных высказываний (семантические макроструктуры, вписанные в ситуативные фреймы, отражают знания о мире), и на уровне его композиции. По мнению ван Дейка, процесс понимания текста включает макростратегии, основанные как на знаниях о мире, так и на знании тематического репертуара каждого жанра [8]. Иначе говоря, когнитивные проекции имеют все три жанровых параметра: тематика, композиция, языковое воплощение.

Б. Палтридж говорит о фреймах как типах идеализированных когнитивных моделей, позволяющих устанавливать связи между жанровыми конвенциями и ситуациями общения. Фреймы в его понимании проявляются на двух уровнях: интеракциональные фреймы позволяют «схватывать» ситуацию, когнитивные фреймы моделируют дискурсивные структуры и семантические отношения между ними [9]. В этих и других теориях (речь о них пойдет ниже) фрейм как структура сознания отражает как языковое, так и внеязыковое знание говорящего.

Как средство организации социального взаимодействия рассматривает речевые жанры К. А. Долинин. Опираясь на концепцию Т. ван Дейка, исследователь определяет жанровый канон как особый вид ментальных схем-сценариев, фиксирующих обычный поря-

док протекания речевых событий в данном социуме (контекстных и ситуационных моделей). Речевой жанр предстает с позиции когнитивно-конструктивного аспекта как «функция устойчивого, повторяющегося сочетания значений ряда аргументов – параметров коммуникативной ситуации (адресат и адресант, их статус, социальные роли, референтная ситуация, канал связи и т. п.)» [10: 8]. Сценарная репрезентация РЖ представляется нам достаточно убедительной.

Продуктивно введенное А. Г. Барановым понятие когнитивного типа жанра как фрейма, отражающего инвариантные ментально-лингвистические характеристики массива текстов определенной предметной области [11: 8]. По мнению А. Г. Баранова, онтологический статус когнитивного типа определяется моделью декларативных знаний о конкретной предметной области и когнитивными ассоциациями языковых выражений, т. е. касаются тематического и стилистического параметров жанра. В области тематики этот когнитивный тип носит социокультурный характер.

Указанные применения фреймовой теории распространяются на речевые жанры. Насколько возможна ее экстраполяция на жанры литературные?

Одна из неудачных попыток в этой области обсуждается в указанной статье В. В. Дементьева [3]. Речь идет о диссертации с многообещающим названием «Когнитивная идентификация речевого жанра» [12]. Думается, однако, что эта явная неудача вызвана не привлечением фреймовой модели как таковой, а немотивированным отбором жанров, которые трудно назвать речевыми (загадка, сказка, басня, миф, коан), скудостью выборки и произвольным выделением слотов жанрового фрейма. Так, утверждение, что любая басня построена на противопоставлении парных признаков, находящихся в оппозиции друг к другу (положительные и отрицательные), представляется явной натяжкой. Вывод диссертанта о том, что сказка строится на противопоставлении парных признаков «добро» – «зло» – представляется банальностью, не требующей привлечения фреймовой теории, к тому же не распространяется на все типы сказок и т. п. Подобные работы скорее дискредитируют фреймовую методологию, нежели доказывают ее продуктивность.

В то же время известная модель жанра, разработанная Т. В. Шмелевой [13], хотя и не эксплуатирует понятие фрейма, но по своей сути – своеобразной анкеты, предъявляемой жанру (коммуникативная цель, образ автора, образ адресата, временной и др. параметры) – представляет собой не что иное, как пропозициональный, логический фрейм. Регулярно

применяемая нами в отношении литературных жанров [14; 15], эта фреймовая модель отражает представление о жанре в исследовательском сознании, т. е. выступает в качестве методологического конструкта.

Для работ западных когнитологов характерно рассмотрение фрейма как операциональной структуры, «воплощенного» в долговременной памяти когнитивного инварианта, ментальной схемы жанра, вписанной в сознание автора и читателя.

В числе предшественников фреймового подхода к жанру называется не только М. Минский, но и концепция схем Ф. Ч. Бартлетта [16].

Согласно исследованиям Бартлетта и его последователей [17], схема представляет собой архив родового знания в долговременной памяти, что, с одной стороны, соотносит ее с понятием памяти жанра, с другой – с современным пониманием фрейма как структуры представления типизированных знаний о какой-либо ситуации, причем структуры скорее визуализированной и схематизированной, чем чисто логической (что соответствует первоначальной трактовке фрейма у М. Минского). Этот факт нашел отражение в современной теории долговременной памяти, которая описывается формулой «схема плюс теория образца» и отражает тот факт, что воспоминания включают как схематическую информацию, так и некоторую специфическую эпизодическую информацию (как правило, образного плана) – некоторую стороннюю деталь, обычно появляющуюся в виде образа или в виде языковой формы. Ментальная схема Бартлетта, на наш взгляд, может служить методологической основой для построения когнитивной модели жанра.

Интересно, что в поисках истоков когнитивного подхода к жанру западные исследователи обращаются к работам М. М. Бахтина, в частности к его концепции хронотопа. Так, Барт Кеунен интерпретирует бахтинское понятие хронотопа на двух уровнях: мотивном и жанровом, акцентируя мысль Бахтина о генологической функции хронотопа [16]. Проводя параллели между созданными в одно и то же время концепцией Бахтина и теорией ментальных схем Ф. Бартлетта, бельгийский исследователь соотносит мотивы со схемами действий, а жанры – с прагматически окрашенными суперструктурными схемами, в которых запечатлена жанровая модель мира. И те и другие схемы конденсируют в себе предшествующие знания (prior knowledge) и в силу этого могут рассматриваться как когнитивные опоры (стратегии) порождения/восприятия текста.

Итак, фреймовая модель литературного жанра, действительно претендующая на статус когнитивной, должна 1) учитывать различ-

ные способы кодирования информации (пропозициональный, образный, схематический); 2) моделировать бытие жанра в создающем/воспринимающем сознании.

Сложность выявления инвариантного набора жанровых признаков заставляет выдвинуть предположение, что в ряде случаев (например, в случае культурно-исторического и регионального варьирования жанра) наиболее адекватной будет не фреймовая, а матричная модель. В отличие от фрейма, матрица как концептуально-сложная структура сводит воедино знания о разных аспектах одного явления. В когнитивистике под матрицей понимается система взаимосвязанных когнитивных контекстов или областей концептуализации объекта (например, культура, религия, история, территория и др.) [6: 47].

Так, например, для жанра баллады необходимо включение в матричную модель концептуальных областей, связанных с культурным ареалом и литературным направлением (французская баллада, англо-шотландская баллада, русская романтическая баллада, советская героическая баллада). В структуре когнитивной матрицы данные когнитивные контексты приобретают статус самостоятельных, независимых друг от друга компонентов, связанных с ядром – именем жанра.

Когнитивной интерпретации подвергается и другая бахтинская категория – «память жанра». Ее когнитивным аналогом может выступать как система когнитивных моделей, способов концептуализации действительности каждым жанром, так и структура жанровых «мнемотехник»: на макроуровне – тематическая стабильность, эмоциональная установка, пафос; на микроуровне – тропика и стилистика, типы ассоциаций; на контекстуальном уровне – фоновые знания, вертикальный контекст и т. д. [18: 84].

Феноменология жанра vs когнитивный подход

Вопрос о рассмотрении жанра в когнитивных исследованиях неизбежно смыкается с вопросом о способе представления жанра в сознании автора и читателя. Другими словами, на первый план выходят проблемы феноменологии жанра, его бытия в сознании художника, а не исследователя.

Наиболее интересными в этом плане представляются работы О. В. Зырянова, которые, не являясь когнитивными по методологии, ставят вполне когнитивные вопросы [19]. С когнитивной парадигмой сближает исследование О. В. Зырянова интерес к динамическому аспекту жанра: механизму жанровых смещений и природе жанрового синтеза. И главное –

в концепции исследователя жанр предстает как категория феноменологического опыта, что обеспечивает связь художника с культурно-исторической традицией, в которую вписан жанровый архетип – реликт художественного сознания [20].

Центральной для теории жанровой эволюции О. В. Зырянова является категория памяти жанра, опирающаяся на жанровый архетип (например, элегия – надгробный плач). Наряду с понятием жанрового архетипа, в концепции О. В. Зырянова выделяется жанровый эталон – индивидуальная жанровая форма, «образцовый» текст в жанровой традиции. Понятие жанрового сознания выводится исследователем из существования образцовых, канонических произведений данного жанра как в авторском, так и читательском сознании, что непосредственным образом коррелирует с прототипическим подходом к жанру в современных западных когнитивных исследованиях.

Теория прототипа, ставшая чрезвычайно популярной после работ Э. Рош о естественной категоризации, применяется к теории жанра и его феноменологии в исследованиях Э. Спольски [21], Д. Фишелова [22], А. Б. Палтриджа [9] и др. Философским и методологическим источником этих работ служит теория фамилейного сходства Л. Витгенштейна, в соответствии с которой постулируется как наличие общего предка у современных модификаций одного жанра, так и некоторых (но не всех) фамилейных черт. Ядерным членом категории жанра являются «образцовые», «прототипические» произведения (в терминологии О. В. Зырянова прототипу соответствует жанровый эталон). Ведущая роль таких прототипов в читательских жанровых классификациях рассматривается в прикладном исследовании П. Рафферти [23], в то время как Дж. Суолз полагает, что идентификация жанра в первую очередь осуществляется по параметру коммуникативной цели, а такие критерии, как стиль, содержание, композиция привлекаются для определения степени прототипичности предлагаемого образца [24].

Конечно, теория существования в читательском сознании прототипа жанра нуждается в серьезном эмпирическом подтверждении. Однако предположение о «смешанном» характере жанровой репрезентации (схема жанра + + «наилучший образец») кажется весьма убедительным.

Так, репрезентация жанра баллады может осуществляться как через отсылку к набору ее типологических признаков (сюжетность, острофабульность, прерывистость повествования, таинственность, объективированный персонаж, диалогичность), так и через экземплификацию – отсылку к типичным образ-

цам балладного жанра, воплощающим жанровый тип.

Полагаем, что эта исследовательская модель может визуализироваться схемой когнитивного поля, в центре которого будут находиться (прото)типические произведения. По мнению Н. Н. Болдырева, именно полевая организация соотносится с таким форматом знания, как естественная категория [6: 35].

Так, анализ построенных нами когнитивных полей баллад И. Одоевцевой и Н. Тихонова показал, что ядро поля включает баллады И. Одоевцевой «Луна» и «Баллада о толченом стекле», сохранившие инвариантную жанровую ситуацию – столкновение героя с вестниками/проявлениями потустороннего мира (мотивный компонент когнитивного типа) – и большинство жанрообразующих признаков баллады (острофабульность, фантастичность, диалогичность) [25]. Кроме того, в балладе «Луна» встречаются типичные балладные образы (всадник, конь, скачка, смерть и др.), сохранен ритмический ореол жанра.

В центре поля – стилизованная под английскую балладу «Баллада о Роберте Пентегью» и развивающие традиции петербургского текста русской литературы «Баллада о том, почему испортились в Петрограде водопроводы».

В балладах Н. Тихонова архетипическая коллизия «герой/представитель потустороннего мира» сдвигается в сторону пограничной ситуации «герой на грани жизни и смерти». Это позволяет говорить об эволюции жанрового канона, зафиксированной в социокультурном когнитивном типе баллады.

Когнитивное поле, структурированное балладами Н. Тихонова, отчетливо делится на центр и периферию. В центральной части поля находятся «Баллада о синем пакете», «Баллада о гвоздях», «Баллада о пустыре», «Баллада об отпуском солдате», остальные баллады тяготеют к периферии поля.

Сравнение авторских стратегий поэтов продемонстрировало, что для И. Одоевцевой ведущими стратегиями являются стилизация, реставрация и модификация жанра (за счет введения современных мотивов), для Н. Тихонова, наряду со стратегией модификации, актуальна стратегия трансформации, проявляющаяся в создании гибридных жанровых образований, находящихся на периферии когнитивного поля («Махно», «Подарок» – баллады-песни, «Баллада о пленном коне», «Всадники» – баллады-притчи, «Перекоп» – баллада-ода, «Баллада о старом тралере», «Афганская баллада» – стихотворные рассказы)[26].

Модели жанра

Общий принцип поля – наличие ядра и периферии – как нельзя лучше позволяет продемонстрировать прототипический подход к жанру.

По сути дела, первыми к полевой модели жанра обратились формалисты. Ю. Н. Тыняновым полевая модель применяется и по отношению к системе жанров, и по отношению к самой жанровой структуре (совокупности основных и периферийных признаков) [27: 256]. Эволюцию жанровой системы Тынянов объясняет смещением элементов с периферии в центр: «В эпоху разложения какого-нибудь жанра – он из центра перемещается в периферию, а на его место из мелочей литературы, из ее задворков и низин всплывает в центр новое явление» [27: 258]. Рассмотренная в контексте психологизма, теория жанров формалистов может быть признана одной из первых когнитивных теорий.

Когнитивной жанрологией предложены и другие когнитивные модели восприятия жанра, в том числе речевого. Так, модель Чен Худжина включает два компонента: лингвистический и контекстуальный. Оpozнание жанра, согласно этой модели, идет в 2 направлениях: от контекста к тексту и от лингвистической формы выражения – к контексту культуры. Наличие предварительной схемы жанра в воспринимающем сознании является обязательным, хотя в процессе чтения она может уточняться и обогащаться [28].

В концепции Э. Спольски принадлежность к жанру определяется комплексом условий. Условия формальной правильности (well-formedness conditions) являются необходимыми, некоторые условия типичности (tipically conditions) могут в одних произведениях выполняться, в других – нет. Кроме того, они могут иметь различный вес в вынесении жанровых суждений, т. е. являются градуированными [21]. Обязательные (compulsory), необязательные (optional) и признаки по умолчанию (default) в ментальной модели жанра выделяет Р. Вильямсон [29]. Таким образом, жанровые классы демонстрируют свою жесткость и организацию по принципу «фамильного сходства».

Когнитивный подход к жанру делает акцент на его динамике, гибкости структуры и ее постоянных модификациях. Т. Бовсунивска утверждает, что когнитивную поэтику интересует жанр как когнитивная лаборатория, т. е. в фокус попадают текучие, трансформативные признаки жанра [18: 72]. Исследователем предложена типология жанровых трансформаций, намечающая перспективы осмысления когнитивных механизмов жанровой динамики.

Мы полагаем, что гибридные жанры адекватно описываются при помощи блендинговой модели.

Под блендингом (концептуальной интеграцией) в когнитивной поэтике понимается модель, построенная на основе принципа проектирования с одного ментального пространства на другое. Базовым элементом этой теории, разработанной М. Тернером и Ж. Фоконье, является бленд – совмещенное, интегральное пространство, объединяющее свойства исходных пространств [30]. Эта модель отражает психические механизмы, работающие при создании и восприятии метафоры, аллегории, параболы и других образных средств. Продуктивным представляется ее использование в жанрологии.

Так, жанр дневника в поэзии Г. Иванова, обладающий свойствами жанрового гибрида, объединяет черты дневниковой записи (эгоцентричность, саморефлексивность, спонтанность, разговорность) и лирического стихотворения. Определенные соответствия устанавливаются между общими признаками двух жанровых пространств (эгоцентризм/эгоцентричность, саморефлексивность/автокоммуникативность и т. д.). Другие признаки обнаруживают оппозитивные отношения (спонтанность/обдуманность, временная упорядоченность/факультативность датировки и др.) Жанровые трансформации сконцентрированы в пространстве бленда, которое представляют собой поэтические циклы Г. Иванова «Дневник» и «Посмертный дневник».

Заключение

Перспективы когнитивного подхода к жанру видятся нам в следующем.

- Рассмотрение жанра как ментальной репрезентации, когнитивного инварианта, своего рода ментального шаблона, определение его когнитивного статуса по отношению к разным форматам знаний.
- Проведение экспериментальных исследований феноменологической направленности (жанровая форма в сознании читателей).
- Установление когнитивных коррелятов традиционных жанроведческих понятий (память жанра, горизонт читательского ожидания, жанровый канон и др.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Lakoff G., Jonson M. *Philosophy in the flesh: The Embodied Mind and its Challenge to the Western Thought*. N.Y.: Basic Books, 1999. 624 p.
2. Дементьев В. В. «Актуализатор» и «актуализаторство» в парадигме когнитивной генристики // *Жанры речи*. Саратов; М.: Лабиринт, 2012. Вып. 8. С. 60–99.
3. Дементьев В. В., Фенина В. В. Когнитивная генристика: внутрикультурные речевые ценности // *Жанры речи*. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 2005. Вып. 4. С. 5–34.
4. Слышкин Г. Г. Речевой жанр: перспективы концептологического анализа // *Жанры речи*. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 2005. Вып. 4. С. 34–50.
5. Тарасова И. А. Введение в когнитивную поэтику. Саратов: Науч. кн., 2004. 48 с.
6. Болдырев Н. Н. Концептуальная основа языка // *Когнитивные исследования языка*. Вып. IV. Концептуализация мира в языке. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. С. 25–77.
7. Тырыгина В. А. К интегративной концепции жанра // *Вестн. СамГУ*. 2005. № 4 (38). С. 116–126.
8. Дейк ван Т. А. *Язык. Познание. Коммуникация*. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
9. Paltridge B. *Genre, Frame and Writing in Research settings*. Amsterdam: John Benjamins Publ., 1997. 186 p.
10. Долнин К. А. Речевые жанры как средство организации социального взаимодействия // *Жанры речи*. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1999. Вып. 3. С. 7–13.
11. Баранов А. Г. Когнитивность текста. К проблеме уровней абстракции текстовой деятельности // *Жанры речи: сб. ст. / под ред. В. Е. Гольдина*. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 4–12.
12. Маркова Л. Ф. Когнитивная идентификация речевого жанра: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2003. 148 с.
13. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // *Жанры речи: сб. ст. / под ред. В. Е. Гольдина*. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 88–98.
14. Тарасова И. А. Коммуникативная модель жанра «поэтическое послание»: инвариант и культурные трансформации // *Жанры речи*. Саратов: ИЦ «Наука», 2007. Вып. 5. С. 300–310.
15. Тарасова И. А. Языковые и когнитивные механизмы восприятия сатиры М. Е. Салтыкова-Щедрина // *Феноменология власти в сатире / под ред. В. В. Прозорова и И. В. Кабановой*. Саратов: ИЦ «Наука», 2008. С. 405–413.
16. Keunen B. Bakhtin, Genre Formation, and the Cognitive Turn: Chronotopes and Memory Schemata. URL: <http://docs.lib.purdue.edu/clcweb/vol2/iss2/2/> (дата обращения: 05.12.2017).
17. Бревер У. Ф. Бартлеттовская концепция схемы и ее воздействие на теорию познания. URL: <http://nouniver.s.narod.ru/gmf/shema.htm> (дата обращения: 05.12.2017).
18. Бовсунівська Т. В. Когнітивна жанрологія та поезика. Київ: Київ. ун-т, 2010. 180 с.
19. Зырянов О. В. Жанровая архитектурность лирики как инструмент практической поэтики // *Жанр как инструмент прочтения*. Ростов н/Д: НП «Инновационные гуманитарные проекты», 2012. С. 131–150.
20. Зырянов О. В. Эволюция жанрового сознания русской лирики: феноменологический аспект. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. 546 с.
21. Spolsky E. *Gaps in Nature: Literature Interpretation and the Modular Mind*. Albany: SUNY Press, 1993. 247 p.
22. Fishelov D. Genre Theory and Family Resemblance – Revisited // *Poetics*. 1991. Vol. 20, № 1. P. 123–138.
23. Rafferty P. Epistemology, Literature Genre and Knowledge Organisation Systems. URL: www.iskoibericao

rg/wp-content/.../553--556_Rafferty.pdf (дата обращения: 05.12.2017).

24. Swales J. *Genre Analysis: English in Academic and Research Settings*. Cambridge University Press, 1990. 260 p.

25. Магомедова Д. М. Баллада // *Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий* / под ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Intrada, 2008. С. 26–27.

26. Тарасова И. А. Баллады И. Одоевцевой и Н. Тихонова: к проблеме когнитивного жанра // *Серапионовы братья: философско-эстетические и культурно-исторические аспекты: к 90-летию образования литературной группы: материалы междунар. конф.* Саратов: Орион, 2011. С. 214–222.

27. Тынянов Ю. Н. *Поэтика. История литературы. Кино*. М.: Наука, 1977. 575 с.

28. Huijun Chen. A Cognitive Model for Recognition of Genre // *Asian Social Science*. 2009. Vol. 5, № 3. P. 25–29.

29. Williamson R. Peshier: A Cognitive Model of the Genre // *Dead Sea Discoveries*. 2010. № 17. P. 307–331.

30. Fauconnier G., Turner M. *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. N. Y.: Basic Books, 2002. 464 p.

REFERENCES

1. Lakoff G., Jonson M. *Philosophy in the flesh: The Embodied Mind and its Challenge to the Western Thought*. New York, Basic Books, 1999. 624 p.

2. Demytyev V. V. «Aktualizator» i «aktualizatorstvo» v paradigme kognitivnoi genistiki [“Actualizer” and “Actualization” in the paradigm of cognitive genre studies]. *Zhanry rechi. Vyp. 8*. [Speech Genres. Iss. 8]. Saratov, Moscow, Labirint Publ., 2012, pp. 60–99 (in Russian).

3. Demytyev V. V., Fenina V. V. Kognitivnaia genistika: vnutrikul'turnye rechezhanrovye tsennosti [Cognitive genre studies: intracultural speech and genre values]. *Zhanry rechi. Vyp. 5*. [Speech Genres. Iss. 5]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 2005, pp. 5–34 (in Russian).

4. Slyshkin G. G. Rechevoi zhanr: perspektivy kontseptologicheskogo analiza [Speech genre: perspectives of conceptual analysis]. *Zhanry rechi. Vyp. 4*. [Speech Genres. Iss. 4]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 2005, pp. 34–50 (in Russian).

5. Tarasova I. A. *Vvedenie v kognitivnuu poetiku* [Introduction to Cognitive Poetics]. Saratov, Nauch. kn. Publ., 2004. 48 p. (in Russian).

6. Boldyrev N. N. Kontseptual'naia osnova iazyka [The conceptual basis of the language]. *Kognitivnye issledovaniia iazyka. Vyp. IV. Kontseptualizatsiia mira v iazyke* [Cognitive studies of the language. Iss. 4. Conceptualization of the world in language]. Moscow, In-t yazykoznaniiya RAN, Tambov, Izd. dom TGU im. G. R. Derzhavina, 2009, pp. 25–77 (in Russian).

7. Tyrygina V. A. K integrativnoi kontseptsii zhanra [To the integrative concept of the genre]. *Vestnik SamGU* [Bulletin of the Samara State University], 2005, no. 4 (38), pp. 116–126 (in Russian).

8. Deik van T. A. *Iazyk. Poznanie. Kommunikatsiia* [Language. Cognition. Communication]. Moscow, Progress Publ., 1989. 312 p. (in Russian).

9. Paltridge B. *Genre, Frame and Writing in Research settings*. Amsterdam, John Bennjamins Publishing, 1997. 186 p.

10. Dolinin K. A. Rechevye zhanry kak sredstvo organizatsii sotsial'nogo vzaimodeistviia [Speech genres as a means of social interaction organization]. *Zhanry*

rechi. Vyp. 3. [Speech Genres. Iss. 3]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1999, pp. 7–13 (in Russian).

11. Baranov A. G. Kogniotipichnost' teksta. K probleme urovnei abstraktsii tekstovoi deiatel'nosti [Cognitiveness of the text. To the problem of abstraction levels in text activity]. *Zhanry rechi: sb. st.* [Speech Genres: coll. of art.]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1997, pp. 4–12 (in Russian).

12. Markova L. F. Kognitivnaia identifikatsiia rechevogo zhanra [Cognitive identification of the speech genre]. Diss. Cand. Sci. Philol. Krasnodar, 2003. 148 p. (in Russian).

13. Shmeleva T. V. Model' rechevogo zhanra [Model of the speech genre]. *Zhanry rechi: sb. st.* [Speech Genres: coll. of art.]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1997, pp. 88–98 (in Russian).

14. Tarasova I. A. Kommunikativnaia model' zhanra “poeticheskoe poslanie”: invariant i kul'turnye transformatsii [Communicative model of the genre “poetic message”: invariant and cultural transformations]. *Zhanry rechi. Vyp. 5*. [Speech Genres. Iss. 5]. Saratov, ITS “Nauka” Publ., 2007, pp. 300–310 (in Russian).

15. Tarasova I. A. Iazykovye i kognitivnye mekhanizmy vospriiatiia satiry M. E. Saltykova-Shchedrina [Language and cognitive mechanisms of perception of satire by M. E. Saltykov-Shchedrin]. In: *Fenomenologiya vlasti v satire* [Phenomenology of power in satire]. Saratov, ITS “Nauka” Publ., 2008, pp. 405–413 (in Russian).

16. Keunen Bart. Bakhtin, Genre Formation, and the Cognitive Turn: *Chronotopes and Memory Scemata*. Available at: <http://docs.lib.purdue.edu/clcweb/vol2/iss2/2/> (Accessed 05 December 2017).

17. Brever U. F. *Bartlettovskaia kontseptsii skhemy i ee vozdeistvie na teoriu poznaniia*. (The concept of Bartlett's scheme and its impact on the theory of knowledge). Available at: <http://nounivers.narod.ru/gmf/shema.htm> (Accessed 05 December 2017).

18. Bovsuniv'ska T. V. *Kognitivna zhanrologiia ta poetika* [Cognitive genre studies and poetics]. Kiiiv, Kiiiv. un-t, 2010. 180 p. (in Ukrainian).

19. Zyrianov O. V. Zhanrovaia arkhitekstual'nost' liriki kak instrument prakticheskoi poetiki [Genre archetextuality of lyric poetry as a tool of practical poetics]. In: *Zhanr kak instrument prochteniia* [Genre as a tool for reading]. Rostov-on-Don, NP “Innovatsionnye gumanitarnye proekty”, 2012, pp. 131–150 (in Russian).

20. Zyrianov O. V. *Evolutsiia zhanrovogo soznaniia russkoi liriki: fenomenologicheskii aspekt* [Evolution of the genre consciousness of Russian lyrics: the phenomenological aspect]. Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, 2003. 546 p. (in Russian).

21. Spolsky E. *Gaps in Nature: Literature Interpretation and the Modular Mind*. Albany, SUNY Press, 1993. 247 p.

22. Fishelov D. Genre Theory and Family Resemblance – Revisited. *Poetics*, 1991, vol. 20, no. 1. pp. 123–138.

23. Rafferty P. *Epistemology, Literature Genre and Knowledge Organisation Systems*. Available at: http://www.iskoiberica.org/wp-content/.../553-556_Rafferty.pdf (Accessed 05 December 2017).

24. Swales J. *Genre Analysis: English in Academic and Research Settings*. Cambridge University Press, 1990. 260 p.

25. Magomedova D. M. Ballada [Ballad]. In: *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i poniatii* [Dictionary of relevant terms and concepts]. Moscow, Intrada Publ., 2008, pp. 26–27 (in Russian).

26. Tarasova I. A. Ballady I. Odoevtsevoj i N. Tikhonova: k probleme kogniotipa zhanra [Ballads by I. Odoevtseva and N. Tikhonov: to the problem of cogniotypes of the genre]. In: *Serapionovy brat'ia: filosofsko-esteticheskie i kul'turno-istoricheskie aspekty: k 90-letiiu obrazovaniia literaturnoi gruppy: materialy mezhdunar. konf.* [Serapion brothers: philosophical-aesthetic and cultural-historical aspects: to the 90th anniversary of the formation of the literary group: Proc. of the intern. conf.]. Saratov, Orion Publ., 2011, pp. 214–222 (in Russian).

27. Tynianov Iu. N. *Poetika. Istoriia literatury. Kino* [Poetics. History of literature. Cinema]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 575 p (in Russian).

28. Huijun Chen. A Cognitive Model for Recognition of Genre. *Asian Social Science*, 2009, vol. 5, no. 3. pp. 25–29.

29. Williamson R. Peshier: A Cognitive Model of the Genre. *Dead Sea Discoveries*, 2010, no. 17, pp. 307–331.

30. Fauconnier G., Turner M. *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. New York, Basic Books, 2002. 464 p.

Статья поступила в редакцию 18.11.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Тарасова И. А. Жанр в когнитивной перспективе // Жанры речи. 2018. № 2 (18). С. 88–95. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-2-18-88-95

For citation

Tarasova I. A. Genre in the Cognitive Perspective. *Speech Genres*, 2018, no. 2 (18), pp. 88–95. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-2-18-88-95